

А. И. ЗУБКОВ

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ДРЕВЕСНОЙ
РАСТИТЕЛЬНОСТИ НА ТАЙМЫРСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
В ПОСЛЕЛЕДНИКОВОЕ ВРЕМЯ**

(Представлено академиком В. Н. Сукачевым 8 VI 1948)

Существование в послеледниковое время древесной растительности за пределами ее современного северного распространения не подлежит никакому сомнению. Это подтверждается многочисленными находками древесных остатков в Евразийских тундрах, а также исследованиями ископаемых растительных остатков (¹⁻⁵) и фитоценологическим анализом современного растительного покрова тундры (⁴).

В 1947 г. сотрудники Арктического института А. В. Щербаков и проф. В. А. Вакар доставили новые данные о нахождении остатков древесной растительности, обнаруженных в северной части Таймырского полуострова.

А. В. Щербаков передал мне для определения остаток хорошо сохранившегося пня диаметром 20 см. Пень этот был найден на юго-западном склоне небольшой гривы высотой над уровнем моря около 100 м. Остатки пня были вымыты из четвертичных отложений протекающим ручьем, впадающим в речку Безымьянную (приток р. Нижней Таймыры, координаты 75°40' с. ш. и 99°50' в. д.). Как показал микроскопический анализ, этот остаток пня принадлежит лиственнице (*Larix* sp.).

В. А. Вакар в июле 1947 г. в нескольких пунктах Северного Таймыра обнаружил *in situ* остатки древесной растительности. В частности, в 20 км к северо-востоку от Гафнер-фиорда (76°38' с. ш., 102°25' в. д.), на высоте 75—80 м над уровнем моря В. А. Вакар нашел на поверхности морены пень лиственницы, крепко сидящий в мерзлом грунте. Диаметр пня около 15 см. Рядом с пнем лежали небольшие полусгнившие остатки ствола.

Из-за отсутствия надлежащих инструментов выкорчевать пень не удалось, был взят лишь кусочек ствола, который, как оказалось, также принадлежит лиственнице (*Larix* sp.).

На правом берегу р. Чайчьей, в среднем ее течении (76°53' с. ш., 102°20' в. д.), на высоте 60 м над уровнем моря, по берегам ручейков, размывающих террасу, сложенную остатками морской четвертичной трансгрессии, В. А. Вакар встретил стволы лиственницы с корнями. Диаметр стволов 10—15 см. Стволы эти вымыты из наносов, прикрывающих отложения морской трансгрессии.

Наконец, следующая весьма интересная находка следов древесной растительности была сделана на 76°50' с. ш., 102°30' в. д., где на поверхности морены на высоте 100—110 м над уровнем моря В. А. Вакар обнаружил свыше десятка пней, крепко сидящих в почве, причем

здесь же рядом лежала полусгнившие остатки стволов диаметром 10—15 см.

Таким образом, древесные остатки, обнаруженные В. А. Вакаром и А. В. Щербаковым, находились в различных условиях. Пень лиственницы (*Larix* sp.), встреченный А. В. Щербаковым под $75^{\circ}40'$ с. ш., и стволы лиственницы с корнями, найденные В. А. Вакаром под $76^{\circ}53'$ с. ш., были вымыты из четвертичных отложений.

Вопрос об их происхождении остается пока предметом всякого рода догадок. Не исключена возможность, что эти остатки являются автохтонными, в то время как пень лиственницы (*Larix* sp.) из района Гафнер-фиорда, а также пни с широты $76^{\circ}50'$ принадлежат к остаткам несомненно *in situ*, свидетельствующим о сравнительно недавнем существовании в этих широтах древесной растительности.

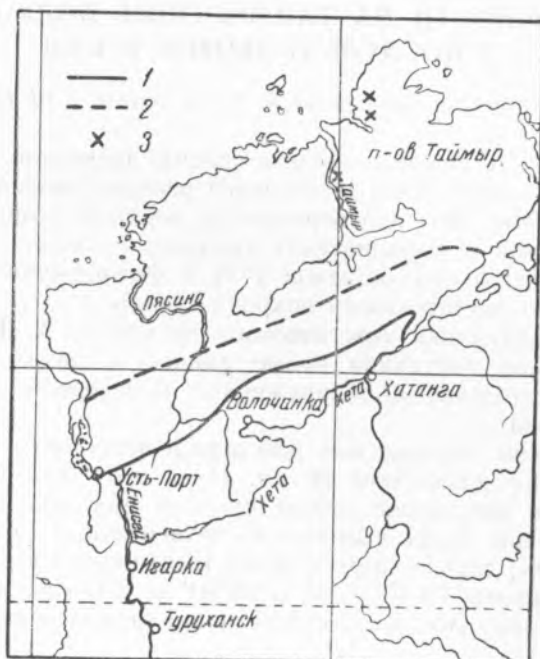

Рис. 1. 1 — современная северная граница лесотундры (по Б. Н. Годкову); 2 — граница древесной растительности в период послеледникового термического максимума (по Б. А. Тихомирову); 3 — места находок остатков древесной растительности в 1947 г.

Мы имели возможность сделать микроскопический анализ лишь двух образцов древесины, причем оказалось, что лиственница, найденная А. В. Щербаковым ($75^{\circ}40'$ с. ш.), отличается хорошо развитой весенней и летней древесиной; толщина годичных слоев в среднем 1—1,2 мм. Древесина лиственницы из района Гафнер-фиорда чрезвычайно мелко-слоистая; толщина годичных слоев в среднем 0,12 мм; единичные слои не превышают 0,4 мм; весенняя и, особенно, летняя древесина развиты слабо.

Такое различие в характере строения древесины, найденной в двух пунктах, отстоящих друг от друга более чем на 1° , можно, вероятно, объяснить различными климатическими условиями, бывшими здесь в период развития древесной растительности.

Б. А. Тихомиров (4), на основании изучения ископаемых растительных остатков торфяников Ямала и района бухты Тикси, а также на основании фитоценологического анализа современной растительности тундры, проводит северную границу древесной растительности в период послеледникового термического максимума на Таймырском полуострове южнее Таймырского озера. Однако находки А. В. Щербакова и В. А. Вакара свидетельствуют о том, что в послеледниковую теплую эпоху древесная растительность на Таймыре проникала значительно севернее. В эту эпоху, когда на Новосибирских островах граница леса доходила до 74°75', древесные породы достигали максимального продвижения на север (6).

Весьма вероятно, что теплая послеледниковая эпоха совпала с максимальной регрессией моря, и Таймырский полуостров представлял далеко выдающийся к северу континент, где условия для развития древесных пород были не менее благоприятными, чем на Новосибирских островах. Современная лесная граница на побережье Якутии в районе Новосибирских островов находится на 1—1,5° южнее, чем в восточной части Таймыра.

Не подлежит сомнению, что в теплую послеледниковую эпоху, когда климатические условия значительно отличались от современных, Таймырский полуостров являлся более благоприятным плацдармом для расселения древесной растительности. Последняя в виде отдельных островков по долинам рек проникала далеко к северу, достигая 76°50' с. ш., и в благоприятных локальных условиях существовала довольно длительное время. С ухудшением климата эти островки лесотундры из лиственницы (вероятно, *Larix dahurica*) погибли. Исчезновение последних самых северных форпостов древесной растительности произошло в сравнительно недавнее время.

Арктический научно-исследовательский институт

Поступило
23 IV 1948

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ В. Н. Сукачев, Метеоролог. вестн., 32, № 1—4 (1922). ² А. И. Зубков, Тр. Полярн. ком. АН СССР, в. 5 (1931). ³ Л. Н. Тюлина, Тр. Арктич. ин-та, 1, 13 (1937). ⁴ Б. А. Тихомиров, Материалы по истории флоры и растительности СССР, изд. АН СССР, 1941. ⁵ Н. Я. Кац и С. В. Кац, Тр. Ин-та географии АН СССР, 37 (1946). ⁶ М. М. Ермолаев, Тр. СОПС АН СССР, Якутская АССР, в. 2 (1932).